

Нет автора

**Отчет о тридцать третьем присуждении
наград графа Уварова**

**Приложение к 70 тому Записок Имп. Академии
наук №3**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о тридцать третьем присуждении наград графа Уварова: Приложение к 70 тому Записок Имп. Академии наук №3 /
Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 368 с.

ISBN 978-5-458-00266-0

ISBN 978-5-458-00266-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25 сентября 1891 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи А. А.
Штраухомъ.

Въ настоящемъ году въ соисканіи наградъ гр. Уварова приняли участіе 8 сочиненій, въ томъ числѣ три, отложенныхъ отъ предыдущаго конкурса.

Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій и постановленія о нихъ приговора, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, Конференціею Академіи была назначена, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, Комиссія, въ составъ которой вошли гг. Академики: А. Ѳ. Бычковъ, М. И. Сухомлиновъ, В. Г. Васильевскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, А. А. Куникъ, Л. Н. Майковъ и Н. Ѳ. Дубровинъ.

Ознакомившись съ переданными на ея оцѣнку сочиненіями, Комиссія для ближайшаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить разборы конкурсныхъ сочиненій къ установленному для сего сроку.

По истеченіи срока Комиссія оказалась вынужденною одно сочиненіе отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, за неполученіемъ рецензій отъ лица, принявшаго на себя его разсмотрѣніе, и затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ трудовъ, присудила пятерымъ изъ нихъ малыя преміи, въ 500 р. каждая.

I.

Организація прямого обложенія въ Московскомъ Государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго.

По приглашенію Академіи, сочиненіе это рассмотрѣно доцентомъ Императорскаго Московскаго Университета П. Н. Милюковымъ въ интересной и обширной рецензіи, опирающейся на самостоятельномъ изученіи источниковъ.

Книга А. С. Лаппо-Данилевскаго, по отзыву ученаго рецензента, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской исторической литературѣ послѣдняго времени и основана на обильномъ и важномъ, доселѣ почти не тронутомъ матеріалѣ.

Дѣйствительно исторія русскаго государственнаго хозяйства до настоящаго времени мало еще изучена, а небольшое число работъ, появившихся въ этой области, во-первыхъ преслѣдуютъ преимущественно спеціально-техническія задачи, во-вторыхъ, написаны уже лѣтъ тридцать тому назадъ и, въ-третьихъ, основаны на очень скудномъ и исключительно печатномъ матеріалѣ. Конечно, нельзя утверждать, чтобы авторъ разбираемой книги не имѣлъ предшественниковъ: вопросы государственнаго хозяйства на столько выдвигались впередъ самою жизнью XVII в., что съ ними считались всѣ наиболѣе крупныя работы по исторіи учреждений, ибо эту послѣднюю всего болѣе и интересовались лучшіе изъ нашихъ изслѣдователей послѣдняго тридцатилѣтія; мало того, выдающіеся историки-юристы, въ родѣ г.г. Чичерина, Градовскаго, подготовили путь къ самой разработкѣ русской финансовой исторіи. Но, по словамъ г. Милюкова, заслуга, неотъемлемо принадлежащая г. Лаппо-Данилевскому, заключается въ томъ, что вопросы государственнаго хозяйства Московской Руси являются у него центральнымъ предметомъ изученія; въ книгѣ его финансовая исторія Россіи разсматривается въ связи съ *общей* государственною жизнью нашего отечества: эта черта и составляетъ особенность темы г. Лаппо-Данилевскаго по отношенію съ одной стороны къ историкамъ-юристамъ, а съ другой стороны — къ изслѣдованіямъ спеціально финансоваго характера.

Финансовый строй XVII в. автору рисуется какъ «особо типичная система устойчивыхъ взаимоотношеній», но, по мнѣнію рецензента, заглавіе книги далеко не совпадаетъ съ ея содержаніемъ:

объясняется это тѣмъ, что авторъ отнюдь не ограничился организаціею обложенія, но представилъ также соціальный составъ общества по отношенію къ податнымъ обязанностямъ разныхъ его слоевъ. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что содержимое въ книгѣ не подходитъ и подъ терминъ «прямого обложенія»; хотя авторъ, повидимому, и пытался ограничить свою задачу изученіемъ такъ называемыхъ оцѣночныхъ налоговъ, но рамками послѣднихъ особенно не стѣснялся и зачастую касался такихъ финансовыхъ явленій, которыя едва ли могутъ быть подводимы подъ понятіе налоговъ вообще.

Изучая систему «устойчивыхъ взаимоотношеній» со стороны формальной и ея организацію, г. Лаппо-Данилевскій, по словамъ г. Милюкова, даетъ въ книгѣ «не финансовую исторію XVII в., а именно финансовую систему, — не процессъ, но устройство»; эта попытка сгруппировать матеріалъ въ порядкѣ функціонированія финансового строя, по отзыву рецензента, не вполне удалась автору, прежде всего по невозможности умѣстить въ поставленные имъ себѣ рамки собранный запасъ данныхъ. Такъ совсѣмъ за порогомъ предначертаннаго плана оказалась глава о податныхъ классахъ, имѣющая какъ бы вступительный характеръ. Вторая глава болѣе отвѣчаетъ плану, за однимъ впрочемъ исключеніемъ. Въ ней изучается первый моментъ функціонированія: раскладка податей, что въ свою очередь распадается на два момента: подготовительный, именно составленіе переписей и опредѣленіе на основаніи ихъ той податной единицы, которою будетъ измѣряться податная способность субъекта; поэтому здѣсь едва ли умѣста описаніе составленія отчетовъ и смѣтъ по взиманію налоговъ: этотъ моментъ несравненно удобнѣе было бы разсмотрѣть какъ заключительный, которымъ завершается финансовый круговоротъ. Въ той же главѣ очерченъ и моментъ *исполнительный*, заключающійся въ мірской раскладкѣ податей въ предѣлахъ окладныхъ единицъ, установленныхъ правительствомъ. Третья глава сочиненія посвящена взиманію податей; здѣсь излагается дѣятельность выборныхъ и правительственныхъ органовъ по взиманію и затѣмъ движеніе податныхъ суммъ изъ областныхъ въ центральныя учрежденія. Отсюда естественный переходъ къ центральнымъ учрежденіямъ, но авторъ вторично впадаетъ въ нарушеніе плана, вводя сюда главу четвертую, о личныхъ повинностяхъ и натуральныхъ сборахъ. Въ послѣдней, пятой, главѣ авторъ возвращается къ своей системѣ и останавливается на заключительномъ моментѣ функціонированія,

т. е. на распредѣленіи поступленій по центральнымъ учрежденіямъ.

Изъ приведеннаго перечня содержанія изслѣдованія г. Лаппо-Данилевскаго видно, какъ неудачно выбранъ самый планъ сочиненія: автору пришлось различныя части функционирующаго механизма изображать попутно, и притомъ только какъ бы по поводу ихъ функционирования; благодаря этому, изображеніе областной финансовой администраціи разбивается между отдѣлами о раскладкѣ и о взиманіи. Раздробивъ эту неосуществившуюся, хотя и необходимую главу по всему сочиненію, авторъ въ концѣ концовъ оказался вынужденнымъ нарушить органической планъ и ввести въ сочиненіе главу 4-ю, трактующую, какъ мы имѣли случай указать, о личныхъ повинностяхъ и натуральныхъ сборахъ.

За всѣмъ тѣмъ, если архитектоника изслѣдованія г. Лаппо-Данилевскаго и представляется рецензенту далеко не удавшеюся, онъ ни мало не отрицаетъ у автора и большихъ заслугъ.

Къ разработкѣ своей темы А. С. Лаппо-Данилевскій, по отзыву рецензента, приступилъ съ весьма солидною подготовкою. Какъ видно изъ книги, авторъ основательно знакомъ съ современной финансовой теоріей и съ важнѣйшими сочиненіями по финансовой исторіи разныхъ странъ Европы и обнаруживаетъ на каждой страницѣ замѣчательную эрудицію и начитанность въ области русскихъ печатныхъ источниковъ. Въ особенную же заслугу доц. Милюковъ ставитъ автору, преимущественное передъ его предшественниками, обширное знакомство съ рукописными источниками, хранящимися въ Московскихъ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Министерства Юстиціи и въ С.-Петербургской Публичной Библиотекѣ; только на основаніи этихъ рукописныхъ данныхъ и могли быть разработаны цѣлыя отдѣлы и притомъ самыя цѣнные въ разсматриваемой книгѣ.

Такимъ образомъ авторъ сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобы поставить себя въ наилучшія условія для успѣха предпринятой работы. Если, не смотря на это, результаты работы, по отзыву г. Милюкова, подтверждаемому рядомъ специальныхъ доказательствъ, не всегда оказываются безупречными, то причинъ слѣдуетъ искать не въ обстановкѣ работы, а въ самомъ ходѣ ея выполненія.

Указываемые недостатки, впрочемъ, самъ рецензентъ признаетъ второстепенными, такъ какъ они имѣютъ главнымъ образомъ методическое свойство, а въ заключеніе своего обстоятельнаго разбора онъ заявляетъ, что «изслѣдованіе А. С. Лаппо-Да-

нилевскаго, какъ по количеству и новизнѣ собраннаго матеріала, такъ и по цѣнности многихъ выводовъ автора, составляетъ крупный шагъ впередъ въ изученіи русской финансовой исторіи и можетъ быть признано вполне заслуживающимъ преміи графа Уварова».

II.

Власть Московскихъ государей. Соч. М. Дьяконова.

Въ виду спеціальнаго характера этого сочиненія Академія обращалась съ просьбою о составленіи рецензіи на него къ извѣстному знатоку исторіи русскаго права, директору Ярославскаго юридическаго Лицея, проф. С. М. Шпилевскому, который, составленнымъ подробнымъ отзывомъ, существенно способствовалъ разъясненію значенія книги г. Дьяконова.

Г. Дьяконовъ задачею своего труда поставилъ вопросъ о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ государей. Вопросъ этотъ авторъ справедливо считаетъ еще не окончательно выясненнымъ, хотя не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти заимствована изъ Византіи.

Для подробнаго выясненія послѣдняго положенія, по мнѣнію г. Дьяконова, необходимо прослѣдить, чрезъ посредство какихъ литературныхъ и юридическихъ памятниковъ русская публицистическая литература успѣла ознакомиться съ византійскими государственными идеями и что изъ нихъ она затѣмъ позаимствовала.

Этой работы авторъ впрочемъ далеко не исчерпываетъ, не обладая спеціальною для того подготовкою византиниста, и ставитъ себѣ болѣе скромную задачу «дать этимъ трудомъ только возможность нѣсколько ориентироваться въ данномъ вопросѣ».

Построеніе плана своего изслѣдованія и раздѣленіе его на главы авторъ основываетъ на положеніи, что подъемъ русскаго политическаго самосознанія, наблюдаемый съ половины XV в. послѣ Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, долженъ найти себѣ объясненіе въ исторіи церковныхъ и политическихъ отношеній древней Руси къ Византіи. Въ первой главѣ авторъ представляетъ очеркъ этой исторіи на основаніи результатовъ, добытыхъ ученой критикой. Во второй главѣ дѣлается сводъ главнѣйшихъ политическихъ ученій, какія проводились въ древне-русской письменности до половины XV в. Въ этихъ главахъ авторъ задается

цѣлью указать съ одной стороны, почему до паденія Византійской имперіи въ исторіи русской мысли не замѣчается попытокъ къ проведенію самостоятельныхъ политическихъ задачъ или къ выясненію національныхъ политическихъ цѣлей, а съ другой—объяснить быстроту въ развитіи политическаго русскаго самосознанія съ половины XV вѣка. Третья глава имѣетъ своимъ содержаніемъ политическія слѣдствія для Руси Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, — а именно подъемъ русскаго политическаго самосознанія; четвертая глава посвящается теоріи власти московскихъ государей. Наконецъ послѣднія двѣ главы указываютъ на нѣкоторыя примѣненія, сдѣланныя московскимъ правительствомъ въ XV и XVI вѣкахъ изъ новыхъ политическихъ ученій и являются какъ бы дополненіемъ къ основной темѣ изслѣдованія о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ государей.

По словамъ проф. Шпилевскаго, авторъ въ своей задачѣ имѣлъ бы право остановиться на четвертой главѣ; тогда бы и самое изслѣдованіе получило надлежащую цѣльность и законченность; присоединеніе же къ изслѣдованію двухъ дополнительныхъ главъ, которыя лишь указываютъ «нѣкоторыя», по выраженію автора, примѣненія изъ новыхъ политическихъ ученій, придаютъ всей работѣ видъ неоконченности и естественно заставляютъ читателя ожидать, что вслѣдъ за указаніемъ измѣненія въ отношеніяхъ московскихъ государей къ ихъ слугамъ, авторомъ будутъ разобраны и отношенія московскихъ государей къ остальному населенію ихъ государства въ XV и XVI вѣкахъ.

По отношенію къ главному вопросу изслѣдованія г. Дьяконова, о возникновеніи и развитіи власти московскихъ государей, замѣчаетъ ученый рецензентъ, нельзя не имѣть въ виду весьма существеннаго факта, упущеннаго авторомъ изъ вниманія: въ развитіи идеи самодержавія могучимъ факторомъ было именно то, что московское государство явилось осуществителемъ исконнаго чаянія русскаго народа — единства русской земли. На это указалъ впервые, по поводу книги г. Дьяконова, нашъ почтенный товарищъ, академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ; подобное же говорить и И. Е. Забѣлинъ — онъ признаетъ, что развитіе московскаго единодержавія въ сущности есть развитіе народнаго единства, что изъ московской завѣтной мысли и всенародной заповѣди, жить за одинъ, послѣдовательно и органически развивались всѣ новыя потребности и новыя задачи народной жизни. Наконецъ

историкъ развитія русской самодержавной власти, проф. Романовичъ-Словатинскій, говоритъ, «что усиливать значеніе татарщины для развитія московскаго единодержавія, какъ это дѣлалъ покойный Костомаровъ, такое же историческое заблужденіе, какъ и придавать чрезмѣрное значеніе вліянію византійскому, по примѣру г. Пыпина. Оба элемента, конечно, имѣли свою долю вліянія, но тѣмъ не менѣе русское государство съ русскимъ самодержцемъ во главѣ—органическое, самопроизвольное созданіе русскаго народа». Подобныя указанія на то, что могло бы служить важнымъ и полезнымъ дополненіемъ и объясненіемъ главнаго вопроса разбираемаго изслѣдованія г. Дьяконова, весьма, разумѣется, цѣнны, но, по мнѣнію проф. Шпилевскаго, было бы несправедливо умалять достоинства изслѣдованія г. Дьяконова на основаніи отсутствія въ немъ объясненія тѣхъ вопросовъ, которые можно признать важными и стоящими въ близкой связи съ вопросами, составляющими задачу изслѣдованія, но оставленіе которыхъ безъ объясненія не составляетъ существеннаго ущерба для исполненія принятой авторомъ на себя задачи.

Переходя къ оцѣнкѣ того новаго, что внесено авторомъ въ разсматриваемые имъ вопросы, путемъ разбора и повѣрки по первоначальнымъ источникамъ всего высказаннаго въ нашей литературѣ, профессоръ Шпилевскій признаетъ, что авторъ поставилъ для своего изслѣдованія задачу, полезную для отечественной исторіи, и что выполненіе этой задачи у г. Дьяконова выразилось въ ученомъ трудѣ, соответствующемъ требованіямъ науки и критики и способствующемъ къ уясненію предмета, насколько то возможно при наличности имѣющихся источниковъ.

Авторъ, по отзыву почтеннаго рецензента, помимо всѣхъ извѣстныхъ до него источниковъ по данному вопросу, воспользовался и новыми рукописными, а самое отношеніе автора къ источникамъ нельзя не признать вполне добросовѣстнымъ—«авторъ отличается тщательнымъ изученіемъ источниковъ, осторожностью и вѣрностью выводовъ изъ нихъ».

Находя, что въ лицѣ автора изслѣдованія «Власть московскихъ государей» наша литература обогащается новымъ талантливымъ и добросовѣстнымъ дѣятелемъ, отъ котораго можно ожидать дальнѣйшихъ существенныхъ вкладовъ въ науку, пр. Шпилевскій признаетъ вполне справедливымъ поощрить молодаго ученаго удостоеніемъ его изслѣдованія награды графа Уварова.

III.

Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII в. Сочиненіе К. Я. Грота.

Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя нашъ почтенный товарищъ, извѣстный византинистъ В. Гр. Васильевскій. Въ представленной имъ рецензіи ак. Васильевскій характеризуетъ значеніе названнаго сочиненія въ слѣдующихъ словахъ: «Авторъ, говоритъ онъ, — одинъ изъ выдающихся славистовъ школы В. И. Ламанскаго, въ настоящее время профессоръ Варшавскаго университета, — давно избралъ исторію Венгріи своею ближайшею спеціальностью, руководясь справедливымъ убѣжденіемъ въ необходимости внимательной разработки ея русскими учеными. Извѣстенъ его большой трудъ, изданный около десяти лѣтъ тому назадъ подъ заглавіемъ *Моравія и Мадьяры* и снискавшій ему почетную и прочную ученую репутацію. Тогда изслѣдованіе было посвящено первоначальной исторіи Мадьярскаго племени до водворенія его среди славянскаго населенія въ средне-дунайской равнинѣ — въ старинной Панноніи — въ началѣ X вѣка. Минуя два съ половиною столѣтія, К. Я. Гротъ обратился теперь къ срединѣ XII вѣка, избравъ задачею своей новой работы изученіе 30-лѣтняго періода, обнимающаго правленіе двухъ королей Арпадова дома: Гейзы II (1141—1161) и Стефана III (1164—1173) съ нѣсколькими годами смутнаго времени въ промежуткѣ. Можетъ показаться, что такой выборъ темы представляетъ нѣкоторое отклоненіе отъ естественной послѣдовательности въ спеціальныхъ занятіяхъ автора исторіею Угріи, но напрасно было бы упрекать за это ученаго, который можетъ сослаться на личное предрасположеніе, какъ то г. Гротъ и дѣлаетъ въ предисловіи. Сверхъ того онъ оправдываетъ свой выборъ выдающимся интересомъ, какой означенная выше эпоха представляетъ не только съ точки зрѣнія внутренняго развитія самой Угріи, но и съ точки зрѣнія византійскихъ, славянскихъ и, въ частности, русскихъ отношеній».

По мнѣнію рецензента, «вообще слѣдуетъ признать, что сколько бы ни было поводовъ къ несогласію съ авторомъ относительно его общихъ взглядовъ, его добросовѣстность и основательность не подлежатъ сомнѣнію. На фактическую сторону въ его книгѣ вполне можно положиться. Авторъ стремился къ установленію наиболѣе точнаго представленія о всѣхъ подробностяхъ въ ходѣ дѣлъ политическихъ и военныхъ. Такъ какъ въ повѣствованіи источниковъ о походахъ Мануила встрѣчаются любопытныя черты, касающіяся распространенія и географическихъ границъ пле-

мень русскаго и румынскаго, то К. Я. Гротъ попутно занимается и вопросами исторической географіи. Исслѣдованіе отъ начала до конца основано на всестороннемъ и полномъ изученіи источниковъ венгерскихъ, византійскихъ, западныхъ, латинскихъ и русскихъ: обзорнiю ихъ посвящено пространное приложеніе, гдѣ притомъ перепечатаны недавно отысканныя письма одной Угорской принцессы съ переводомъ ихъ на русскій языкъ».

«Въ слишкомъ отчетливыхъ чертахъ, по словамъ ак. Васильевскаго, рисуется историческому чутью автора присутствіе въ угорскомъ государствѣ XII вѣка политической компактной сферы, особливою народной славянской партіи, которая опирается на инстинктивные стремленія славянской массы, входящей въ составъ государства, сохраняетъ преданія старой вѣры, то есть полученнаго изъ Византіи православія, обнаруживаетъ чуткую оппозицію къ западнической политикѣ того или другаго короля».

Хотя объ этой партіи и много говорится въ сочиненіи, но ак. Васильевскій признается, что какъ составъ, такъ и органическія связи этой партіи съ народными массами остались для него неясными и проблематичными—можетъ быть вслѣдствіе того, что авторъ въ своемъ введеніи не даетъ картины внутренняго состоянія Угрии въ первой половинѣ XII вѣка. . . . Наконецъ недостаткомъ не только изложенія, но и метода, по мнѣнію ученаго рецензента, нужно считать у г. Грота «особаго рода сложный прагматизмъ, заключающійся въ стремленіи разъяснить причины и связь явленій не группировкою самыхъ фактовъ, не сдержаннымъ намекомъ въ случаѣ нужды внимательному читателю, а особенными гипотетичными соображеніями о настроеніи, видахъ и побужденіяхъ дѣйствующихъ лицъ, о содержаніи ихъ взаимныхъ разговоровъ даже при встрѣчахъ, только предполагаемыхъ». . . .

Въ заключеніе рецензентъ, основываясь на общихъ достоинствахъ книги и близкомъ отношеніи ея содержанія къ славянской и русской исторіи, признаетъ справедливымъ присудить пр. К. Я. Гроту малую Уваровскую награду.

IV.

Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ.
Соч. проф. М. Соколова.

Разборъ этого сочиненія составленъ дѣйствительнымъ членомъ нашей Академіи И. В. Ягичемъ.

Значеніе разсматриваемаго труда нашъ почтенный товарищъ характеризуетъ слѣдующими словами: «Если въ теченіе послѣдняго десятилѣтія обогащенія новыми текстами не появлялись въ Россіи уже столь часто и обильно, какъ прежде, за то научныя изслѣдованія самаго содержанія, попытки осмыслить его и примѣнить къ освѣщенію памятниковъ народнаго творчества, приняла какъ разъ въ это время очень внушительные размѣры. Богатствомъ добытыхъ результатовъ изслѣдованія подобнаго рода представляютъ чуть ли не самую блестящую страницу русской научной дѣятельности за послѣднее время. Едва ли нужно напоминать, что передовымъ здѣсь дѣятелемъ является нашъ достоуважаемый сочленъ А. Н. Веселовскій, сосредоточивающій въ своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ этому предмету, громадную эрудицію по всѣмъ средневѣковымъ литературамъ востока и запада. Труды его являются для всѣхъ современныхъ изслѣдователей не только у славянъ, но и на западѣ Европы, неисчерпаемымъ источникомъ всесторонняго поученія».

«Къ числу новыхъ сотрудниковъ въ этой области примкнулъ въ послѣднее время и авторъ вышеназваннаго сочиненія, нынѣшній профессоръ Московскаго университета М. И. Соколовъ. Сочиненіе его, представленное на соисканіе Уваровскихъ наградъ, обращаетъ на себя вниманіе уже тѣмъ, что въ немъ соединяются обѣ стороны вопроса, подлежащаго дальнѣйшей научной разработкѣ. Оно обогащаетъ русскую литературу важными источниками, доказывающими вновь чрезвычайное богатство церковно-славянской литературы въ апокрифическихъ текстахъ. Напечатанные г. Соколовымъ матеріалы бросаютъ, кромѣ того, новый свѣтъ на литературное общеніе и взаимность, существовавшія съ раннихъ временъ между южными славянами (болгарами, сербами) и Россією. Но сочиненіе профессора Соколова не ограничивается этимъ вкладомъ въ науку, хотя онъ, уже самъ по себѣ, достоинъ полнѣйшаго признанія; оно присоединяетъ къ напечатаннымъ текстамъ еще довольно много пояснительныхъ замѣтокъ и остроумныхъ соображеній для критической и литературной оцѣнки напечатанныхъ памятниковъ. Стало быть, рядомъ съ изданіемъ новыхъ текстовъ получается тутъ же научное изслѣдованіе предмета, содержамаго въ напечатанныхъ памятникахъ».

Главнымъ матеріаломъ для разбираемаго труда проф. Соколову послужилъ старинный рукописный сборникъ, принадлежащій профессору Великой школы въ Бѣлградѣ Панкѣ С. Сречковичу.